

12+

БОЕВАЯ АРХИТЕКТУРА

АЛЕКСЕЙ СУЧКОВ

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

ЗАСЛОН

ЛитРес

Алексей Сучков

Боевая Архитектура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67691490

SelfPub; 2022

Аннотация

Недалёкое будущее. Попытка цветной революции в России. В противостоянии за будущее страны появляются неожиданные общественные объединения, упорство и изобретательность смешиваются с новейшими технологиями...

Алексей Сучков

Боевая Архитектура

Командир роты ОМОНа Черкашин не любил когда было непонятно.

Да и активная аптечка постоянно нейтрализовала никотин в крови, и он снова и снова нервно закуривал.

Стараясь не шевелить раненым плечом, он хмуро осматривал дымящиеся остатки этого странного сооружения, когда явился спецслужбист.

Одет просто и строго, на вид лет 40. Без лишних слов показал удостоверение. “Корочки” были настолько высокими, что теперь главным на участке был этот человек.

– Капитан Черкашин?

– Так точно.

– Как ваше состояние?

– В норме. Я в аптечке «Заслон».

– Хорошо. – он будто и не удивился, что у простого капитана полиции надета активная аптечка. – Нам надо побеседовать... пройдемся – и службист неторопливо пошёл вдоль дымящейся стены, внимательно её рассматривая. Черкашин двинулся за ним.

С виду они просто прогуливались, но капитан понимал: это запросто мог быть и допрос.

– А знаете, впечатляет! – наконец выдал гость – Целая крепость. За один день, и прямо у вас на глазах! – непонятно было: то ли службист восхищается, то ли это обвинение.

– Так точно – хмуро ответил Черкашин – в рапорте...

– Да, я читал – перебил службист. – Нужны кое-какие детали, капитан. Расскажите мне всё, что вы знаете про Вахромеева.

Черкашин стал рассказывать.

Иван Вахромеев, местный, 32 года, образование высшее архитектурно-строительное.

Впервые этот вихрастый пучеглазый парень с тонкими чертами лица и выразительными бровями встретился ему на экстренном совещании у Поплавского, губернатора области, взявшего на себя руководство оперативным штабом, создан-

ным в этой чрезвычайной ситуации. Страну уже месяц сотрясали оппозиционные акции, координируемые извне.

Между собой эти выступления прямо называли «Майдан».

Поплавский был сильно взвинчен, его лоснящееся лицо блестело от пота. Он коротко объявил, что колонны Армии ещё не выдвинулись, и ближайшие сутки они здесь будут одни.

Это было плохо. Техническая разведка докладывала штабу о масштабной подготовке "беспорядков". В город поступали деньги, стекались боевики. В области творился беспредел, часть предприятий встала.

Поплавский хмуро посмотрел на него и кивнул на вихрастого парня:

– У них будет митинг профсоюзов. Против Майдана. Пропустите и дайте всё провести.

Позже Вахромеев зачем-то пришёл к нему знакомиться, как он выразился "наладить взаимодействие".

– Тебе это зачем вообще нужно?– хмуро спросил его Черкашин. Как он не любил всяких лезущих не в своё дело романтиков!

– Не допустить обвала государства – интеллигентно, но с

неприятно так резанувшей прямой ответил Вахромеев. – Мы тоже не очень вас любим («вот чертёнок, отследил мою реакцию на него» – отметил капитан). Но мы поможем вам.

– И как?!

– Сделаем заслон, чтобы прикрыть администрацию.

– Сделаете заслон? – Этот тощий лупоглазик брался защищать ОМОН от Майдана. Черкашин молча переваривал ответ, решая – сердиться или смеяться.

– Да. Мы готовились с прошлого избрания. Когда стало понятно, что это действительно последний срок Путина.

Спецслужбист остановил воспоминания Черкашина.

– С прошлого избрания?

– Он так сказал.

– А ведь это шесть лет. Вы к чему-нибудь готовились шесть лет, капитан?

Черкашин пожал плечами и хмуро отшутился – “Тёщу хоронить...”

– А вы спросили, зачем ему нужно не допустить обвала государства?

– Он сказал что это ради людей, которые погибнут если рухнет государство и будет гражданская война. Сказал что он верит в человека и готов сражаться за человека. Что у него такие ценности – какой-то радикальный гуманизм,

упоминал Ивана Ефремова и его книги...

Профсоюзы пришли.

Эти замшелые, древние, давно подконтрольные власти организации – вдруг пришли сами, без команды, за два часа до митинга оппозиции.

Пожилые пузатые дядьки на полном серьёзе тащили с собой щиты из фанеры абсолютно дурацкой формы – одни слишком широкие, другие узкие, какие-то треугольные, некоторые вообще ромбом или трапецией. На многих щитах были нарисованы абстрактные линии, цифры и пометки.

Выглядело это настолько нелепо, что омововцы просто ржали в голос.

Однако профсоюзники лишь хитро на них посматривали, а затем встали в митинг, отделивший администрацию от площади, где уже начала собираться оппозиция, которую Черкашин прямо называл "Майдан".

Черкашин поставил две цепочки между профсоюзниками и оппозицией и занялся другими делами.

Тут и открылся первый сюрприз: странные нелепые "щиты" на деле оказались частями большого длинного помоста, на котором начались выступления за спокойствие и порядок

в городе. Странные линии и пометки на щитах оказались просто маркировкой для сборки.

Митинг профсоюзников оказался неожиданностью и для "Майдана". После некоторых пререканий "оппозиция" отошла от администрации дальше к центру площади.

Дальше было не до профсоюзников. Подошли с боковых улиц отряды молодёжи поборзее, попробовали потеснить ОМОН, начались стычки.

Толпа на площади собиралась всё более внушительная. Очень много иногородних. Поступали доклады о холодном оружии. Было ясно что митингом дело не кончится. Но Армия всё не выдвигалась – тогда Черкашин и заподозрил, что Поплавского слили.

Второй раз к нему прибежал тот же Вахромеев, уже не такой прилизанный и деловой как был на совещании у Поплавского – теперь он был в полевой испачканной одежде, через плечо сумка с аптечкой, на которой зачем-то было нашито сразу два красных креста, курчавые вихры перехвачены повязкой, делающей его своеобразной карикатурой на Рэмбо. На повязке блестели несколько значков: тройная арка из камней, кулак, огонь и какая-то молекула. В руке белый пластиковый кейс.

– Николай Александрович! – несмотря на свой боевой вид, Вахромеев по-прежнему интеллигентно называл его по имени-отчеству – дайте выйти профсоюзниками по левой улице. Мы останемся на укреплениях и усилим центр. Ночью будет штурм! – опять этот серьёзный взгляд и резкая прямота, безжалостно подтверждающая худшие опасения.

Черкашин ощутил как от тревоги заныло в животе, разозлился и выпалил:

– Каких ещё, к хренам собачьим, укреплениях? – Он выругался, выглянул на площадь и увидел второй сюрприз: оказывается, длинный помост был на самом деле стеной: они его уже поставили на бок и оттащили к краю площади, закрепив между двумя фонарными столбами. И между профсоюзами и "Майданом" действительно оказалась фанерная стенка в три с небольшим метра высотой.

Тут Черкашин понял, что нелепой формы щиты и собранный из них помост для митинга это на самом деле была будущая стена из фанеры – это и были "укрепления" Вахромеева. Подготовились значит.

– Он был такой... очень уверенный. Говорил что они хозяева своей жизни, сами за всё отвечают, что и помощи им не надо, про "соборные" какие-то решения... достаточную теорию управления... Сильные манёвры... Черкашин силлил-

ся вспомнить странные термины.

Спецслужбист нахмурился и задумался. Черкашин продолжил доклад.

Перед уходом Вахромеев протянул ему чемодан. На белом пластике виднелась красная надпись: «Заслон АА 3090».

– Знаете что это такое?

– В курсе.

– Это вам. Как командиру. Возьмите пожалуйста. – Вахромеев ждал его ответа.

Черкашин хмыкнул. Ему не хотелось принимать подарков от этих чокнутых, но тут был особенный случай. «Активная аптечка», удивительное творение питерского научно-технического центра «Заслон», очередь на них стояла на годы вперёд. Активная аптечка «Заслон АА 3090» делала так, что боец даже с серьёзным ранением возвращался своими ногами. В войсках её называли «вторая жизнь».

Черкашин молча взял кейс и затолкал в угол кузова командной машины под лавку – эта штука может очень пригодиться. Вахромеев кивнул и ушёл.

Как они втянули профсоюзников – оставалось для него загадкой. Профсоюзы выпустили – и пожилые дядьки стали покидать место будущих событий.

Черкашин отметил что они как будто похудели – видать что-то протаскивали на митинг под одеждой.

На баррикаде осталась молодёжь и занялась там какой-то кипучей деятельностью. Поступили доклады что они укрепляют свою стенку вторым слоем фанеры и углепластиковой сеткой.

Черкашин злился. Какие-то детские игры, толпа разнесёт к чёрту эти фанерки за пять минут!

Но он не мог отделаться от греющей мысли, что в случае чего у него теперь у него есть эти пять минут, чтобы перестроиться.

Ну и ребята, раздающие заслоновские активные аптечки, могли иметь ещё что-то серьёзное.

Между тем, положение ухудшалось. "Майдауны" тащили на площадь покрышки, доски, зажигали бочки с дровами. Черкашин слушал донесения и мрачнел – сил безопасности на площади становилось откровенно мало. Дружинники пришли единичные, люди боялись и сидели по домам. В го-

роде начались захваты зданий, попытки блокировать полицейские участки, нападения на силовиков. СИЗО переполнились задержанными. Появились донесения об огнестреле.

Поплавский собрал экстренное совещание, где новости были одна хуже другой. Выяснилось что колонна Армии движается только одна, остальные даже не выдвинулись с расположений. Хуже того – часть чиновников и два местных телеканала перешли на сторону “оппозиции”. Крысы побежали с тонущего корабля.

Поплавский был мокрый от пота, руки его тряслись.

«Слили» – понял Черкашин. – «И почему-то он не может ни удрать, ни откупиться.

Ну теперь держись».

Черкашину идти было некуда. Слишком старый и гордый чтобы "переобуваться на лету". Да и парней не бросать же, на милость Майдана он не рассчитывал. И он решил стоять до конца.

Губернатор долго дрожащим голосом призывал быть верными присяге и государству, обещал награды и должности. Напоследок сказал чтобы держались с “профсоюзниками” одним фронтом. Вахромеев сидел там же, спокойный и со-

средоточенный.

– А знаете, что это ваш Вахромеев содрал с губернатора? – вдруг спросил спецслужбист.

– Содрал?– удивился Черкашин настолько, что даже не среагировал на слово "ваш".

– Именно. Он ведь не безвозмездно помогал. Выставил счёт за свою помощь – чтобы совету профсоюзов передали несколько зданий в области и представьте себе, четыре нефтедобывающих. И кучу наличности. И Поплавский дал!

Теперь у вас в городе есть совет профсоюзов с собственными зданиями и "углеводородицей" – всё уже оформлено юридически, а значит – готовили заранее. Теперь понимаете, откуда профсоюзы?

Черкашин кивнул. Это было неожиданно борзо для интеллигентного Вахромеева. Но он видел состояние губера, с такого можно было взять дочь замуж и полцарства...

– Продолжайте пожалуйста.

Капитан вернулся к воспоминаниям прошлого вечера.

На площади собралась внушительная толпа "оппозиции". Отдельные мелкие нападения были отбиты, но основная масса чего-то ждала. На машинах подвозили воду, еду, чай (потом выяснилось, что как и на давнем украинском Майдане, в

чае были распалаяющие толпу наркотические вещества). Палатки не ставили. Вывод из этого был простой и ясный до мурашек по спине – они не собирались ночевать на площади.

А значит, действительно будет штурм администрации.

Черкашин вспомнил как вышел с очередного экстренного совещания и посмотрел на площадь перед администрацией. Толпа на площади стояла огромной тёмной тучей. Перед ней светилась белой фанерой стенка с редкими красными флагами – "тонкая красная линия" как её окрестят потом журналисты.

Вахромеев со своими товарищами суетились как муравьи, отчаянно укрепляя свою хлипкую конструкцию. Появились другие стены – конструкция превратилась в эдакую игрушечную крепость, как в детском городке, и приобретала очертания сильно вытянутого треугольника с опорой на три уличных фонаря, внутри виднелись какие-то конструкции.

Вскоре Вахромеев прибежал просить его зачем-то убрать людей, стоявших между его "укреплениями" и толпой Майдана.

Черкашин изумился такому самоубийственному позыву и прогнал его матом.

Вахромеев как-то неожиданно спокойно и внимательно его выслушал и не стал настаивать, вместо этого побежал к бойцам перед его стенкой и о чём-то с ними стал толковать. Черкашин с удовлетворением отметил что бойцы не двинулись с места.

Через некоторое время с фанерной стенки забили струи воды. Они перелетали через цепочку омоновцев и неприятным дождём сыпались на “оппозицию”, не давая толпе собраться близко к фанерной стенке. Это было очень кстати, ведь водомёты полиции запретили, как и всю спецтехнику (постарался какой-то гад "наверху"), а так ситуация очень удобная – приказов не нарушено, одни гражданские по собственному почину поливают водой других гражданских, а "ликвидировать безобразие" можно и не торопиться – пусть-ка помайdanят с мокрой задницей!

Между тем на стене зажглись прожекторы (откуда-то подтянули и электричество), и через мощные громкоговорители, пронесённые изначально для митинга, на толпу пошёл настоящий вал агитации.

Били прямо по всем фронтам – нежные женские голоса, уговаривающие обойтись без насилия, сменялись низкими мужскими, скупко обещавшими переломать руки всем, кто полезет на укрепления.

Давление на логику сменялось давлением на эмоции, юмор и высмеивание сменялись страстными призывами. Агитация велась безостановочно и грамотно, голоса дикторов были хорошо поставлены и описывали ситуацию настолько разносторонне и убедительно, что Черкашин ловил себя на том, что сам то и дело непроизвольно начинает вслушиваться.

Видно было, что и на толпу это возымело действие. Майдан волновался, отдельные группы набегали на цепочки омоновцев, но были отбиты, а основная масса стояла, слышно было истеричные голоса "кураторов", которым всё не удавалось раскатать толпу на атаку.

Черкашин понял, что стенка Вахромеева даст ему гораздо больше пяти минут. Это была единственная хорошая новость, всё остальное было из рук вон плохо. В городе шёл бардак, полиция стремительно теряла управление ситуацией. Больше половины отделений полиции блокировано, были попытки штурма. Громили магазины, жгли машины, под этот шум было быстро захвачено несколько административных зданий.

Бесконечной чередой сыпались доклады об обнаружении холодного и огнестрельного оружия, о разливании по бутылкам "коктейлей Молотова" на площадях.

Но главным местом, определяющим контроль над городом, оставалась администрация.

В администрации сидел губернатор и верные ему люди.

Администрацию прикрывала его рота и этот отряд иностранных камикадзе за фанерными стенками.

И ситуация была аховая.

Черкашин задумался, вновь переживая события вчерашней ночи.

Спецслужбист подошёл к обгорелому фонарю и подёргал провода, торчащие из открытого технического люка. Они были аккуратно запитаны через соединители.

– Пожалуй, первые активисты на моей памяти, которые додумались подключить себе электричество от уличных фонарей, а воду от пожарного брандспойта, прямо над которым они и построили своё укрепление. Вам тоже не встречались? – опять в своей манере он то ли рассуждал вслух, то ли спрашивал.

... Три с половиной часа водяные струи и речи из мегафона сдерживали нападение толпы. Черкашин отбил несколько атак с боковых улиц и уже серьёзно подумывал действительно привести ребят из-под фанерной стены.

Но тут водяные потоки со стены иссякли – на Водоканале перекрыли подачу воды сразу на весь район.

И тогда случилось давно и мучительно ожидаемое им – толпа пошла на штурм.

Полетел град камней. Свист, вопли и звуки ударов перекрыли мегафоны.

Две цепочки ОМОНа были прорваны сразу же, и только благодаря сообразительным сержантам успели стянуться в два окружённых щитами и ошестинившихся дубинкам островка и выйти с малыми потерями.

Толпа шла мимо, толпа шла разносить фанерное укрепление Вахромеева и штурмовать администрацию. Раздались гулкие удары, крики и треск ломаемой фанеры.

Черкашин в спешке перегруппировывал подразделения за фанерным укреплением, на последней площадке перед администрацией – пошли последние пять минут, которые давала ему стенка.

Людей отчаянно не хватало. Весь газ и спецсредства, все ведомственные машины сгруппированы на пяточке перед администрацией.

Мало, мало чёрт возьми! Подкреплений не будет – отделения полиции в осаде, некоторые штурмуют, в двух местах перестрелка.

Армия вообще чёрт знает где, одна колонна где-то за городом!

Скрипя зубами, Черкашин готовился отступать непосредственно в здание администрации.

Это было плохо – перед глазами всплывали картины горящего вместе с людьми внутри Дома Профсоюзов в Одессе в 2014 году...

Черкашин успел подготовиться. Потянулись напряжённые минуты ожидания – одна за другой. Шум на укреплениях Вахромеева возрастал, крики порой доносились и вовсе леденящие кровь. Но задняя стенка их игрушечной крепости почему-то всё не падала под напором Майдана.

Прошло ещё пять минут, потом ещё пять.

Не прорывали.

Более того – шум стал стихать!

Наблюдатели сообщали невероятное – толпа отошла от стенки.

Черкашин не поверил и сам пошёл смотреть.

Стена стояла.

Фанера была сильно помята и потрёпана и местами разломана, но под ней оказался... Бетон!

Черкашин вспомнил как он тогда недоверчиво подошёл и потрогал...

Твою мать, бетонная стена!

Двухслойная фанерная стенка оказалась опалубкой – и они за полдня умудрились залить её каким-то быстротвердеющим цементным раствором. Цемент, присадки и даже арматуру видимо принесли всё те же профсоюзники (потому они и выглядели такими толстыми, сообразил Черкашин), песок же брали прямо из-под ног, разобрав брусчатку – внутри крепости был вырыт внушительный котлован.

По верху стены торчали какие-то гнутые железки. Под определённым давлением они резко проворачивались, переламывая схватившемуся за них руку.

Черкашин вновь поразился технической изобретательности Вахромеева – движения гнутых железяк были несложными, но разгорячённые, одурманенные наркотиком и стиснутые толпой нападающие были не в состоянии просчитать

их. "Надо бы посчитать, сколько обращений с переломами рук в больницах" – подумал он.

Перед стеной валялись камни, битое стекло, горело несколько луж от "молотовых", Черкашин заметил обильно разбросанные металлические "ёжики", способные проткнуть ногу даже в тяжёлом ботинке.

Всё было залито перцовкой так, что глаза резало за несколько метров.

– Тем, кто лез на стену, этими железками ломало руки как в дробилке. Вахромеев очень талантливый техник. Если бы я его не знал, подумал бы что это придумал сам дьявол.

– Скорее, это святой – возразил ему спецслужбист и пояснил – Они ведь легко могли сделать так, что ломало бы шеи, а сделали так, что ломало лишь руки.

Он внимательно осматривал закопчённые опоры конструкции.

– А вы знаете специализацию Вахромеева? – в своей манере опять спросил Черкашина его спутник.

– Архитектор.

– Это профессия. А специализация – дамбы и плотины. Вы понимаете? – и он замолк.

Черкаши ещё раз взглянул на дымящееся укрепление и вдруг понял.

Это и была дамба.

Лучшая дамба инженера Вахромеева, плотина против агрессивной толпы. А в текущих реалиях, наверное и вообще единственная его дамба.

И ночью дамба Вахромеева выдержала первый натиск. Толпа откатилась к площади, а на фанерно-бетонных укреплениях спешно натягивали скатные крыши из баннеров с лозунгами, опять-таки изначально принесённых как будто бы на митинг.

На углах «крепости» были сделаны своеобразные башенки, и сейчас там выставили странные установки – к мощной “болгарке” приделан сварной большой барабан с перегородками, похожий на гребное колесо старых пароходов, над которым помещался бункер с булыжниками (добытыми тут же, из брусчатки площади). У этой штуковины был ещё и прицел-перископ, а перед стеной заранее были нанесены отметки, облегчающие прицеливание.

Когда большая группа, вооружившись лестницами и длинными досками, попыталась вновь подступиться к стене, эти установки заработали.

Барабаны раскрутились, камни со звоном падали на них, разгонялись и с силой вышвыривались вперёд.

Аппараты полоснули двумя очередями булыжников, гулко застучавших по мостовой и сбивших с ног первые ряды наступающей группы. В довершение к этому в центре укрепления лязгнула катапульта, и несколько бутылок с зажигательной смесью разбились о мостовую прямо перед наступающими, обдав их жаром.

Один чудом уцелевший мегафон стены Вахромеева продолжал вещать, недвусмысленно поясняя угрозу здоровью от камней и катапульты и забористо угрожая огнёмётами, ружьями и даже капканами.

Нападающая группа остановилась, а потом попятилась обратно на площадь.

Черкашин вновь вывел бойцов на прикрытие боковых улиц, оставив за стеной резерв.

Через некоторое время Майдан стал вновь подтягиваться к стене. На почтительном расстоянии сооружались баррикады. Их основу составляли мусорные баки на колёсиках из ближних дворов. В укрепление полетели камни и "молоты", запускаемые издалека из огромных рогаток, собранных на площади. Однако упругая крыша из баннеров мягко ло-

вила все эти снаряды, и они скатывались под стену.

Затем майдановскую баррикаду стали придвигать к стене, и под её прикрытием подходила толпа. Завязалась перестрелка камнями и бутылками с зажигательной смесью, раздались выстрелы из огнестрельного оружия. С визгом летали беспилотники. Раздался резкий хлопок от взрывного устройства – сброшенное с беспилотника на укрепление Вахромеева, оно так же скатилась по мягкой крыше из баннеров и взорвалось уже под стеной.

Но Черкашин больше не мог следить за крепостью Вахромеева. Началась самая подлая часть цветных революций – появились "неизвестные снайперы". Четырёх бойцов с тяжёлыми ранениями унесли к заранее поставленным к администрации машинам "скорой помощи". На позициях ОМОНа зажгли дымовые шашки и скрылись в дымовой завесе – Черкашин молился на свою предусмотрительность, с которой он выгреб все возможные спецсредства и буквально зубами выгрыз стальные каски и бронежилеты всем бойцам. А некоторые дураки ещё возмущались что на них столько навешали.

В качестве последнего средства, чтобы снизить вероятность оставить свою роту без командования, Черкашин решительно вошёл в командную машину и быстро переоделся,

надев под форму активную аптечку «Заслон АА 3090». Аптечка немедленно вонзила в него небольшие иголки, чтобы взять пробы крови. Из блока управления под бронезиловом донёлся мелодичный женский голос: «Настраиваюсь на носителя. Обнаружен повышенный гормональный фон. Обнаружен недостаток железа, цинка, витаминов В12, D3. Провожу нормализацию состояния...» Тонкие иголочки снова вонзились в его грудь и шею, по ним в кровь побежал индивидуально рассчитанный коктейль из витаминов и химпрепаратов, Черкашин начал чувствовать как тело его становится более лёгким, а голова более ясной.

Всё возможное сделано.

Между тем на площади падали окровавленные люди, толпа выла и ревела – думали что стреляют со стены Вахромеева, на что и рассчитывали стрелявшие.

Однако вместо обычного взвинчивания агрессии толпы эти выстрелы вызывали больше страх перед стеной, так и оставшейся неприступной.

Но зато если дойдут – будут рвать на куски...

Само укрепление Вахромеева оказалось весьма кстати спрятано от снайперов той же натянутой крышей из бан-

неров, легко пробиваемых пулями, но не дающей целиться в защитников, как и дымовая завеса ОМОНа. Вслепую несколько снайперов не могли подавить защитников стены – для такого был нужен пулемёт, которого у "неизвестных снайперов" не было. Получалось, что Вахромеев и тут обошёл нападавших.

Горелый огрызок этой крыши из баннеров и сейчас висел в углу укрепления. Черкашин с тяжёлым чувством увидел дырки от пуль в заднем скате крыши, которые могли появиться только при огне "в спину" со здания администрации, которое они защищали. Предатели были и там.

– А вы знаете почему крыша подкопчёная снизу? – вдруг спросил спецслужбист. – Они грели крышу изнутри- создавали завесу от тепловизоров. Очень умно сработано с этой навесной крышей!

А здесь – видите – снайперы пытались обрушить навес, перебив тросы.

Черкашин присмотрелся к ближнему фонарю – на нём густо виднелись вмятины и сквозные дырки от пуль. Тонкие, но многочисленные металлические тросы в месте крепления были разлохмачены и частью действительно перебиты. В отчаянной попытке подавить стену Вахромеева снайперы были переключены с людей на попытку сорвать тросы на которых

держалась крыша, чтобы можно было целиться в защитников, и сколько жизней спасли эти тросы по обеим сторонам баррикады, забрав на себя пули?

Впрочем, картина была не такая радужная – оба камня были разбиты, на земле в укреплении виднелись лужи запёкшейся крови – крыша-завеса уберегала от прицеливания, но не от самих пуль.

Черкашин вернулся в воспоминания прошедшей ночи.

Баррикады Майдана пододвигались всё ближе к стене Вахромеева.

Под огнём баррикады и "неизвестных снайперов" замолчал сперва один камень, потом и второй.

Катапульта не могла сдержать наступление Майдана. Мусорные баки подогнали вплотную. Железки с верха стены стали разламывать.

В ход пошли камни с рук, какие-то плётки, кистени и просто велосипедные цепи, рогатки, топоры, пруты арматуры и палки, и даже арбалеты и копья; завязался штурм стены.

Стена загорелась в нескольких местах, но пока это было скорее на руку защищавшимся – на горящие участки ни-

кто не лез. Довольно быстро пожар распространился по всей Стене. Горела оставшаяся фанера опалубки, горели брошенные «майдановцами» покрышки и подогнанные пластиковые мусорные баки, горела и крыша, постепенно лишая укрепление защиты от снайперов.

Защитники стены зажгли свои дымовые шашки, дым с копотью от пожара заволок всё вокруг. Толпа отхлынула от Стены и ждала пока прогорит.

Черкашин отбивался с боковых подходов. "Черёмуха" (слезоточивый газ) кончилась. Травматика кончилась. Больше трети людей выбыло из строя. Снайперский огонь стал очень редким (они в это время ещё пытались перебить тросы крыши над укреплением Вахромеева).

Черкашин ясно осознавал что в действительности всё держится на Стене, сдерживающем толпу на самом широком и открытом направлении. Падёт Стена – и они не удержатся на пяточке, и тогда будет последний бой в здании администрации... Черкашин прогонял настойчиво встававшие в голове картины сжигаемых заживо людей в Доме Профсоюзов Одессы.

Стиснув зубы, он делал что мог. И будь что будет.

Внезапный удар в левое плечо резко, до хруста в суставах,

крутанул его на месте и швырнул на землю. В глазах стремительно темнело, гомон и крики сделались глухими и стали удаляться. Рука не чувствовалась, в груди растекалась липкая слабость.

Активная аптечка «Заслон» среагировала мгновенно. Из трубочек разорванного в месте ранения комбинезона стала выделяться санитарная пена, запечатывая рану и образуя давящую повязку для уменьшения кровотечения. Проанализировав давление и состав крови, аптечка сделала вывод что разрывов крупных сосудов нет, и пережимать всю конечность встроенным в комбинезон кровоостанавливающим жгутом не нужно. Из блока управления снова выдвинулись иглы и ввели в кровь обезболивающие и стимуляторы.

Черкашин пришёл в себя и резко сел, напугав склонившего над ним лейтенанта. Из блока управления активной аптечки мелодичный женский голос доложил: «Сквозное ранение мягких тканей. Кость не задета. Крупные сосуды не задеты. Провожу нормализацию состояния. Место ранения запечатано, обезболивающее введено, стимулятор введён. Расчётное время активного состояния – двенадцать часов».

Черкашин вновь ощутил ясность сознания и прилив энергии – действовали стимуляторы аптечки, ежеминутно скур-

пулѐзно просчитывающей состояние организма. Началась даваемая активной аптечкой «вторая жизнь» – когда даже с серьёзным ранением человек вставал и возвращался в строй.

Раненую руку он не чувствовал и двигать ею не мог. Закрепив руку на портупее, капитан продолжил командовать ротой.

Между тем Стена горела. Черный дым мутно светился от костров. Электричество в районе тоже отключили.

Связь то и дело прерывалась, но вот пришли сообщения что единственная верная правительству колонна Армии наконец подошла к окраине города. Её встретили баррикады из поваленных на дорогу деревьев и даже фонарных столбов.

Неожиданно доложили об освобождении трёх правительственных зданий из семи захваченных. Майдановцы вышли и колоннами устремились на главную площадь. Из остальных захваченных зданий так же шли отряды.

Черкашин понял, что сейчас тут будет решающее столкновение.

Колонна Армии пробивается. С армейскими подразделениями не поспоришь даже толпой "майдаунов", а завалы по-

степенно растащат техникой.

Продержится администрация до прибытия Гвардии – Майдан проиграет.

Захватят администрацию – не поможет и Гвардия.

Продержаться! Ещё час – полтора. Черкашин кратко и ярко выступил перед бойцами и решительно приготовил все оставшиеся в резерве средства и людей.

Задний ряд ОМОНа взял камни и приготовился кидать в наступающих. Из администрации вышла группа служащих покрепче, похватали дубьё и встали за омовцами. Охрана губернатора встала с оружием по окнам второго этажа.

Между тем Стена всё ещё горела. Толпа все ещё ждала.

Постепенно стало ясно что Стена горит уже как-то слишком долго.

Толпа прихлынула, притащили огнетушители, стали тушить и попыталась разобрать горевший мусор под стеной. Тут их поджидал ещё один сюрприз – длинные языки пламени лизнули подошедших ближе всех, тут же покотившихся с горячей одеждой по земле. Струи горящего бензина, сме-

шанного с вязким моторным маслом и какой-то липкой субстанцией – огнемёты, которыми угрожал давно сорванный последний мегафон Стены, оказались правдой.

Стало понятно и другое – огонь прямо под стеной поддерживали целенаправленно, как барьер от наступающей толпы и генератор дыма от снайперов.

И сейчас Черкашин со спецслужбистом видели, как поддерживался тот огонь – в стену были вмурованы тонкие железные трубы с продуманной полукруглой петлёй посередине, отсекающей пары горючей смеси, которую по этим трубам изнутри подливали в бушующий за стеной пожар.

Бетон закоптился и местами потрескался, но в целом Стена держала жар. Снаружи виднелись многочисленные характерные вмятины – огнестрельное оружие было не только у "неизвестных снайперов".

И горящая Стена стояла. Вахромеев предусмотрел и огонь – на одном из столбов до сих пор висел красный флаг из негорячего асбестоволокна, особенно эффектно развевавшийся прямо в огне пожара.

Подшли майдановцы из других зданий, среди них мелькали откровенно бандитские рожи. Подтащили больше огнетушителей, пригнали даже отобранную пожарную маши-

ну, но воспользоваться её пенным тушителем не сумели и в конце концов просто таранили машиной горящую Стену, протаранили и застряли.

Завязалась отчаянная схватка на месте пролома, катапульты защитников была оставшимися камнями и "коктейлями молотова" прямой наводкой по пролому и застрявшей в нём пожарной машине, огнетушители соревновались с огнемётами, грохали самодельные взрывные устройства и выстрелы, удары и крики смешались в отчаянный рёв...

А потом Майдан проиграл.

Первыми исчезли "неизвестные снайперы".

Потом толпа на площади стала стремительно редеть и рассасываться.

Через полчаса показались армейские БТРы.

Отделения полиции были деблокированы, освобождались захваченные здания.

Между тем защитники Стены организованно и тихо оставили своё потрепанное укрепление и ушли. Черкашину в тот момент было не до них. Благодаря активной аптечке он не нуждался даже в перевязке, и активно руководил силами обороны администрации.

А ещё через два часа к пустой Стене прибыл спецслужбист, искавший Вахромеева.

– Значит, они построили целую крепость, воевали несколько часов у вас под боком и теперь вы не знаете где они? – мягко спросил он, но по спине Черкашина снова пробежал холодок.

Активная аптечка опять нейтрализовала весь никотин в крови, в Черкашин который раз закурил.

– Так точно. – честно ответил он. – Я мало что знаю об этом парне, но точно скажу- если бы не эта стена, нас бы смяли.

Спецслужбист неожиданно хмыкнул.

– Как вы думаете, как Вахромееву удалось всё это сделать?

– Не знаю. Честно говоря – Черкашин сделал паузу – он вообще необычный. Какой-то... внимательный, серьёзный, вдумчивый. Я думаю что он... своего рода гений... – немного смущённо закончил он.

– Знаете, я бы тоже так подумал – одобрительно сказал спецслужбист. – Но дело в том, что таких гениев у нас по России сразу девять.

– Девять? – ахнул Черкашин.

– Да, представьте. В девяти областных центрах – вот такое же – он показал на обгоревшую бетонную стену. – Стены из бетона со всеми этими установками – он кивнул на разбитые камнеёты. Люди в активных аптечках. Девять отбитых администраций. Вы понимаете, что это значит? – опять он обратился с вопросом.

– Они связаны.

– Совершенно верно. Мы имеем дело с организацией. Которая способна организовать такие вещи по всей стране. Сегодня она помогала государству. Завтра – кто знает?

Вы понимаете, что мне надо... поговорить... с этим Вахромеевым?

Черкашин кивнул. Теперь понятно, почему прилетел такой высокий чин.

– Узнаете что-то про Вахромеева – немедленно звоните по этому номеру- он протянул простую чёрную визитку, на которой был только номер. Всё понятно?

– Так точно.

– Спасибо за службу, капитан. Скорейшего выздоровления!

И Лев Патриков, генерал-майор ФСБ, пожал ему здоровую правую руку, после чего повернулся и пошёл к ожидающей его машине.

Мысли об организации Вахромеева крутились у него в голове.

Круто. Всё было проделано очень круто. Даже завидно.

Майдан в России готовился давно и ситуация была тяжёлой. Сил Службы хватало только на прикрытие Москвы, Питера и Новосибирска, противник имел кротов внутри и знал ход подготовки.

И заправили Майдана сделали самый опасный ход. Вместо генерального сражения в столице они перенесли центр тяжести событий на областные центры. На подкуп местных чиновников были отправлены гигантские средства, уличную пехоту полгода вербовали по всей стране.

В столице конечно тоже были погромы, но регионам пришлось куда хуже. Государство реально могло получить

Москву без России. Без нефтянки, с бардаком на огромной территории. А войска НАТО стояли у границ в полной готовности – как только станет понятно что государство не контролирует ситуацию, "брать под защиту" нефтегазопроводы и атомные станции.

И вот неожиданно возникли эти ребята и сорвали захват девяти важнейших областных центров! Остальное теперь нетрудно зачистить. Картинка в СМИ вышла убедительная – государство устояло, мятеж подавлен. Через границы никто не сунется.

Провал Майдана! Блестящая операция дала бы крутые "звёздочки" на погоны, невероятно было думать что сделал кто-то не из Службы. Но он точно знал – нет, не из наших.

И Патриков вспоминал тех пенсионеров, которые приходили к ним в Управление ещё в 90х. Тогда они показались ему очередными маргинальными безумцами, со своей «концептуальной властью» и афоризмами Козьмы Пруткива. Выглядело занятно, но практическое использование этой информации казалось больно уж сложным. Люди уважаемые, их выслушали и занялись своими делами.

Лев Патриков знал, что пенсионеры не успокоились и долго ещё читали курсы студентам, писали сложные толстые книги, которые даже частично были запрещены как экстре-

мистские, и тем не менее находили последователей.

Что по стране постоянно появлялись и другие сообщества, ставящие своей целью выработку разного рода “человека будущего” и создание всяких некоммунистических и синдикалистских субкультур, экопоселений, кооперативов и обществ, где все поголовно должны быть очень осознанными, развитыми и умными... такими как Иван Вахромеев.

Особого впечатления они долгое время не производили. Годами барахтались мелкими группами в собственных ссорах и расколах и ничего серьёзного из себя не представляли, хотя перед важными политическими событиями их лидеров прозванивали коллеги из Службы и напоминали чтобы вели себя хорошо.

Потом поднялось трезвенническое движение, следом “семейники” и защитники образования и здравоохранения развернулись на событиях “пандемии” – они смогли создать широкие объединения, но в основном осаждали депутатов, писали петиции и делали ролики.

И вот теперь это.

Вахромеев с рассуждениями про общую теорию управления и бетонной крепостью. И ведь сумел не только вычислить ход Майдана, но и предугадать тактику, разворачивать средства противодействия буквально на ходу, опережая на три шага, не давая противнику опомниться! Без государственных ресурсов, без оружия и технической разведки. Сильно! Надо, обязательно надо брать это под контроль.

Но он отдавал себе отчёт, что ему ещё и просто очень интересно пообщаться с такими людьми.
